- 5 ФЕВ 1983 „КОМСОМОЛЕЦ" г. Челябинск

Магнитогорскому театру кукол «Буратино» — 10 лет

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

«Когда мы были молодые»

Иногда цепь счастливых случайностей решает судьбы людей и судьбы больших дел.

Молодой режиссер, выпускник Ленинградского института театра, музыки и кинематографии Виктор Шрайман вполне мог в 1972 году уехать к себе домой в Харьков, где он раньше служил актером в театре кукол и поставил (очень удачно) два дипломных спектакля. Если бы не звонок из Магнитогорска руководителю курса с просьбой порекомендовать главного режиссера для нового театра кукол.

Еще один выпускник ЛГИТМИКа, художник Мэри Борнштейн, распределившийся в Псковский театр кукол, мог остаться там или уехать в другой город. Если бы в случайном разговоре в студенческой аудитории перед самым отъездом в Магнитогорск новоиспеченный главный режиссер не обронил: «Вот только художника пока нет», на что коллеги сказали: «Звони в Псков Марку Борнштейну».

Актер Евгений Терлецкий мог и до сей поры работать в Харьковском театре кукол. Если бы, провожая в аэропорту в Магнитогорск Виктора Шраймана (они познакомились и подружились во время его работы над дипломным спектаклем), он совершенно неожиданно для Виктора (и, наверное, для себя) не сказал: «Я приеду!»

Если бы актрису Оренбургского театра кукол Людмилу Клюкину не заинтересовал рассказ ее бывшего сокурсника о том, что он увидел в Магнитогорске...

Конечно, все не исчерпывалось телефонным звонком, рассказом или мгновенным порывом. Наверняка были раздумья, были сомнения. Но что-то толкнуло их друг к другу.

Вариации на тему «что было бы, если...» чаще всего интересно «проигрывать» людям, не состоявшимся в творчестве. Люди счастливой творческой судьбы этого просто не представляют. Как не могут сейчас представить себя вне своего театра основатели «Буратино».

...Холодная (даже для Урала) зима 72—73 года. У театра уже есть название, но нет своего дома. «Буратино» по очереди «квартирует» на трех сценических площадках Дворцов культуры. Актеры репетируют, не раздеваясь, и очень забавно выглядит Терлецкий с гитарой в зимней одежде (сейчас забавно, а тогда...). На одну из репетиций заходит известный советский драматург Исидор Шток: «И в этом холодном зале вы собираетесь играть солнечную Италию!».

Они могли бы взять для первой постановки апробированную кукольную пьесу (например, какую-нибудь из известных инсценировок «Золотого ключика»), что было бы во всех отношениях разумно и исключало риск. Вместо этого главный режиссер сам пишет инсценировку, сочиняет вместе с Евгением Терлецким песни, главный художник создает необычные куклы и декорации, артисты учатся «живьем» выходить на сцену — рождается зрелище непривычное и неординарное.

Они могли бы провалиться — не будь так талантливы и так безоглядно смелы. «Необычайные приключения Буратино и его друзей» — это их молодость, их надежды и мечты, это время, когда маленькая труппа захвачена предощущением создания своего театра.

Героем спектакля ищут золотой ключик, которым открывается дверь театра их мечты. Недавние студенты, создавая спектакль, также искали свой театр.

Они еще не знали, что выпускают джинна из бутылки. Дискуссии о «живом плане» и «синтетическом театре», теоретические обоснования, гастроли, победы, фестивали (в том числе и международные), признание — все еще впереди, а пока они просто отдают все, что накопили, бессознательно и со всей щедростью молодости.

...7 февраля 1973 года яркая театральная феерия в духе итальянской комедии масок выплеснулась на подмостки сцены Левобережного Дворца культуры металлургов (в свое здание они переедут через два месяца).

Первым же спектаклем они определили свою судьбу. Из него как из зерна, прорастает все древо театра. То, что было бессознательной догадкой, оформится в главный эстетический принцип, стихийно сложившаяся студийная атмосфера, атмосфера творчества и поиска, станет нормальным состоянием.

Как раздвигаются горизонты

«Буратино» — театр парадоксов.

Все смешалось — спектакли для самых маленьких и серьезные, философские работы, роли кукольные, драматические, «кукольно-драматические»: в «Маугли» кукол нет совсем, в «Следствии по делу Вилли Старка» их 33, но какой из спектаклей более «кукольный» — неизвестно. Странный театр.

Кто видит за этой странностью лишь стремление удивить и сам пытается формально повторить их приемы, терпит неудачу. Потому что эти парадоксы — их органика. Необычайный сценический «язык» в каждой новой работе — их способ выговориться как можно искреннее и ярче.

Они всегда шли своим, непроторенным, не зависящим от моды путем, наиболее полно выразив в своем творчестве процесс поиска, который охватил многие театры кукол в 70-х годах.

Лидерство их стало объективным явлением на пятом году существования театра. «Ребенок» вырос на удивление быстро.

«Борьба за человеческое в человеке» — так можно определить главную тему этого театра. В каждом спектакле она проявлялась по-разному.

«Айболит против Бармалея», «Три мушкетера», «Маугли», «Мальчиш-Кибальчиш», «Человек из Ламанчи», «Вишневый сад», «Варшавская мелодия», «Дракон» — вот вехи на пути углубленного, философского осмысления жизни, разработки своих главных творческих принципов: разнообразие художественных средств, обращение к лучшим образцам мировой литературы, импровизационная стихия.

...Никто не снимает с них задачи быть прежде всего театром для детей.

Никто не заменяет им и обязанность ставить столько спектаклей для молодежи и взрослых (в одном из сезонов их шло 11 — цифра для театра кукол фантастическая).

Они сами взвалили на себя эту ношу. Потому что иначе не могли. Вспомним, что родился театр из детско-взрослого спектакля о деревянном человечке. «Детское» и «взрослое» существовали в этом спектакле одновременно, что спровоцировалось и на дальнейшую творческую жизнь коллектива.

...Они не были первооткрывателями, скажем, такой формы, как взаимоотношение «живого» артиста и куклы. Но поиск их оказался своевременным, а уровень художественного осмысления известных (в прошлом) приемов и новых идей заставил очень многих взглянуть на театр кукол как на театр в самом высоком его предназначении. Их поиск подхвачен другими.

Взглянуть себе в глаза

Неудачи талантливых людей, как правило, интересны. За ними — попытка пробиться сквозь стереотип, сказать что-то новое. Не всегда эта попытка попадает в цель. Но уровень неуспехов «Буратино» (так бы я это назвал) всегда высокий.

Но сами к себе они относятся беспощадно. Они живые люди, и похвала им в радость, но бацилла самоуспокоенности в театре не завелась.

...Осенью 1981 года, перед началом десятого сезона, главный режиссер говорил:

— До сих пор мы не испытывали необходимости менять круг тем и пересматривать наши художественные идеи. Но сейчас мы подошли к тому рубежу, когда нужно «перевооружаться» и в этом плане. И если мы не опередим события (причем необходимость переоценки должна прийти органично), для театра наступят тяжкие испытания...

Ни он, никто другой не мог предполагать, в каких условиях театр начнет преодолевать надвигающийся и неизбежный кризис.

К концу десятого сезона из театра один за другим уходят четверо актеров из категории ведущих (а вся труппа — полтора десятка человек).

Из репертуарной обоймы вылетали (одни навсегда, другие на длительный срок) лучшие спектакли.

Первое ощущение — не стало театра. Катастрофа.

В это время Виктор Шрайман, закончив изнурительную работу над инсценировкой сложнейшего философского романа Роберта Пена Уоррена «Вся королевская рать», приступает к репетициям.

Это было чистейшее безумие — ставить «игровой», необычный по проблематике, гигантский по материальной части спектакль в момент самого жестокого кризиса, когда даже актеров на мужские роли просто не было.

Любой нормальный театр отложил бы постановку до лучших времен. Но...

...В театре поздний вечер. Только что закончился прогон второго акта. Никто не расходится.

Вахтер Владимир Иванович (почти трагически):

— Я тут уже пятнадцатый час нахожусь, а ведь сегодня выходной!

Я сидел, наслаждаясь этой минутой, и думал, что ничто не может выбить из колеи театр, если даже в самое трудное время живет в его людях горение души и жажда работы. Счастливые люди!

Залог оптимизма

Маленькая актерская, разделенная перегородкой, 25 квадратных метров, где спали маленькие (тогда) дети, где было столько пролито слез, свершалось столько драм, где когда-то не смолкала гитара, где сама атмосфера рождала песни... Сейчас они реже поют и в жизни и на сцене. Во взрослых спектаклях не поют совсем.

От наивного романтического порыва д'Артаньяна до взгляда в зал Виктора Шраймана-Ланцелота, его слова «я люблю вас, люди...», от искрящихся весельем песен в фойе до щемящей темы вальса в «Следствии по делу Вилли Старка» — большой путь. Путь побед и потерь, утрата и обретения веры. Путь познания.

«Гамлет» и «Следствие по делу Вилли Старка» — два спектакля нынешнего взрослого репертуара «Буратино» несут яркий отпечаток мироощущения их создателей в данный момент. Я бы назвал его «печальным оптимизмом». Это спектакли растревоженной души.

Спектакли детского репертуара, и прежде всего «Аленушка и солдат» — спектакли людей, смотрящих на мир широко открытыми глазами.

Еще один парадокс? Да нет же. Просто театр «Буратино», взрослея, не теряет свежести детского восприятия. Это тоже их мироощущение.

...Я думаю о «Буратино». Лица проходят перед глазами. Господи, какие же они разные! Как сложны взаимоотношения в этом мирке и какой большой мир они дарят всем нам, потому что театр был и есть главное их соединенье, счастье, боль, судьба...

В. МОЗГОВОЙ.

НА СНИМКАХ: сцены из спектаклей «Маугли» и «Следствие по делу Вилли Старка».